
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ОБЛАСТИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

© 2019 г. В. И. Еременко

Москва

E-mail: 6169144@mail.ru

Поступила в редакцию: 05.02.2018 г.

Настоящая статья посвящена анализу позиций Конституционного Суда РФ в области интеллектуальной собственности, относящихся к обратной силе закона в сфере авторского права, срокам рассмотрения патентных споров и компенсации за нарушение исключительных прав.

Ключевые слова: Конституционный Суд, интеллектуальная собственность, обратная сила закона, авторское право, патентные споры, срок рассмотрения, компенсация, нарушение исключительных прав.

DOI: 10.31857/S013207690003848-4

Решения Конституционного Суда РФ относительно исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации имеют чрезвычайно важное значение для совершенствования российского законодательства в области интеллектуальной собственности.

Обратная сила закона в сфере авторского права

В результате принятия Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ), вступившего в силу с 1 октября 2014 г., большое количество изменений внесено, в частности, в статьи, регламентирующие режим свободного использования произведений, с целью ограничения исключительного права автора или его правопреемника, в том числе в ст. 1274 ГК РФ¹, которые в конечном счете предопределили принятие Конституционным Судом РФ определения от 2 июля 2015 г. относительно придания закону обратной силы.

Позиции Конституционного Суда РФ относительно обратной силы закона в сфере авторского права предшествовала длительная судебная тяжба, начало которой было положено еще в конце 2010 г., между правообладателями, интересы которых представляло Российское авторское общество (РАО), и Магнитогорской государственной консерваторией

им. М.И. Глинки (далее — Магнитогорская государственная консерватория), суть которой заключается в следующем.

На сцене Магнитогорской государственной консерватории 28 и 29 декабря 2010 г. в постановке детского музыкального театра состоялся показ мюзикла «Белоснежка и Леший» (композитор В.Л. Бровка, поэт Т.А. Калинина) при отсутствии согласия авторов. От авторов в адрес Российского авторского общества 13 февраля 2012 г. поступило заявление о бездоговорном использовании созданных авторами произведений при публичном показе названного мюзикла. При этом ранее между авторами и РАО были заключены договоры о передаче полномочий по управлению правами автора на коллективной основе.

РАО направило в адрес Магнитогорской государственной консерватории претензию от 3 апреля 2012 г. № 556 с требованием о выплате компенсации за нарушение исключительных прав на произведения по 25 000 руб. каждому автору, однако указанная претензия была оставлена без ответа. Ссылаясь на то обстоятельство, что исключительные права авторов на произведение нарушены, РАО в июле 2012 г. обратилось в Арбитражный суд Челябинской области с исковым заявлением о взыскании 50 000 руб. за нарушение авторских прав.

Затем в течение двух лет выносились судебные акты по делу № А76-13283/2012² то в пользу

¹ См. подр.: Еременко В.И. Изменения в сфере авторского права и смежных прав в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2014. № 7. С. 7–23.

² Здесь и далее, если не указано иное, информация о соответствующих судебных актах получена на сайте Суда по интеллектуальным правам: <http://www.kad.arbitr.ru/PdfDocument/>

ответчика — Магнитогорской государственной консерватории (решение Арбитражного суда Челябинской области от 11 апреля 2013 г., постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2013 г.), то в пользу истца — РАО (постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 ноября 2013 г., определение судебной коллегии ВАС РФ от 5 июня 2014 г., решение Арбитражного суда Челябинской области от 6 августа 2014 г., постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 октября 2014 г.) на основании п/п. 2 п. 1 ст. 1274 ГК РФ, согласно которому допускается использование правомерно обнародованных произведений, но только в качестве иллюстраций к соответствующему учебному материалу в объеме, оправданном поставленной целью.

Иными словами, свободно используемое произведение не должно являться основным объектом использования, а лишь быть включенным в основной объект (основное произведение) для пояснения некоторых вопросов, содержащихся в используемом произведении. В материалах дела установлено, что Магнитогорская государственная консерватория организовала живое публичное исполнение мюзикла, а не публичное исполнение видеозаписи и других предполагающих фиксацию форм использования произведений, предусмотренных в п/п. 2 п. 1 ст. 1274 ГК РФ. При этом произведение (мюзикл) использовалось не в целях пояснения какого-то сценического правила в рамках обучающего занятия о правилах сценического искусства, но представляло собой основной объект использования.

Не согласившись с упомянутыми выше судебными актами Арбитражного суда Челябинской области от 6 августа 2014 г. и Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 октября 2014 г., Магнитогорская государственная консерватория 22 декабря 2014 г. обратилась с Суд по интеллектуальным правам с кассационной жалобой, в которой ходатайствовала их отменить, ссылаясь на нарушение норм процессуального права и неправильное применение норм материального права.

Проверив обоснованность доводов, изложенных в кассационной жалобе, Суд по интеллектуальным правам счел необходимым обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ и приостановить производство по делу, в частности, в силу следующего. Из материалов дела следует, что суд апелляционной инстанции рассматривал дело в порядке ст. 268, 269 АПК РФ 15 октября 2014 г. В то же время в соответствии с редакцией ч. 4 ГК РФ, вступившей в силу с 1 октября 2014 г., ст. 1274 ГК РФ уже предусматривала возможность публичного исполнения правомерно обнародованных произведений путем

их представления в живом исполнении, осуществляемого без цели извлечения прибыли в образовательных организациях, медицинских организациях, учреждениях социального обслуживания и учреждениях уголовно-исполнительной системы работниками (сотрудниками) данных организаций и учреждений и лицами, соответственно, обслуживаемыми данными организациями и учреждениями или содержащимися в данных учреждениях без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования (п/п. 6 п. 1 ст. 1274 ГК РФ). По мнению заявителя кассационной жалобы, суд апелляционной инстанции необоснованно не применил положения п/п. 6 п. 1 ст. 1274 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ) в соответствии с положениями ч. 2 ст. 54 Конституции РФ («...Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон»), т.е. в данном случае должна применяться обратная сила закона.

При рассмотрении кассационной жалобы в судебном заседании Судом по интеллектуальным правам установлено, что для разрешения спора при определении действия во времени п/п. 6 п. 1 ст. 1274 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ) применению подлежит п/п. 7 ст. 7 Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ. В то же время обнаружилась неопределенность в вопросе о том, соответствует ли указанная норма во взаимосвязи с п. 1 ст. 4 ГК РФ ст. 54 Конституции РФ, что согласно ст. 36, 101, 103 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» является основанием для обращения с запросом в Конституционный Суд РФ и приостановления производства по делу.

Определением Суда по интеллектуальным правам от 12 февраля 2015 г. № С01-113/2013 по делу № А76-13283/2012 «О приостановлении производства по делу» производство по кассационной жалобе было приостановлено в связи с направлением судебного запроса в Конституционный Суд РФ «О соответствии Конституции Российской Федерации положений пункта 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ “О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”».

В ответ на запрос Суда по интеллектуальным правам было вынесено определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2015 г. № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам

о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации»».

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ придание обратной силы закону — исключительный тип его действия во времени, использование которого относится к прерогативе законодателя. При этом либо в тексте закона содержится специальное указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма. Законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений.

Развивая приведенную правовую позицию, Конституционный Суд РФ указывал, что преобразование отношений в той или иной сфере жизнедеятельности не может осуществляться вопреки нашедшему отражение в ст. 4 ГК РФ общему (основному) принципу действия закона во времени, который имеет целью обеспечение правовой определенности и стабильности законодательного регулирования в России как правовом государстве и означает, что действие закона распространяется на отношения, права и обязанности, возникшие после введения его в действие, и только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до введения соответствующих норм в действие, т.е. придать закону обратную силу (ретроактивность) либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утративших силу норм (ультраактивность).

Конституционный Суд РФ напомнил, что использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, если такое использование осуществляется без согласия правообладателя, является незаконным и влечет ответственность, установленную ГК РФ, другими законами, за исключением случаев, когда такое использование допускается данным Кодексом.

В качестве одного из таких исключений федеральный законодатель предусмотрел случаи свободного использования произведений, что, в свою очередь, преследует общественно полезную цель развития образования, культуры, возможностей свободного занятия учебной, научной или творческой деятельностью, способствует реализации конституционного права на участие каждого в культурной жизни, на доступ к культурным ценностям.

Перечень оснований свободного использования произведений установлен п. 1 ст. 1274 ГК РФ,

который в первоначальной редакции в основном воспроизводит положения п. 1 ст. 19 «Использование произведения без согласия автора и без выплаты авторского вознаграждения» Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» и предусматривал использование без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования правомерно обнародованных произведений и отрывков из них в качестве иллюстраций в изданиях, радио- и телепередачах, звуко- и видеозаписях учебного характера в объеме, оправданном поставленной целью.

Положения ст. 1274 ГК РФ претерпели изменения с принятием Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ, которым список оснований свободного использования произведений был расширен. В частности, согласно п/п. 6 п. 1 ст. 1274 ГК РФ в редакции данного Федерального закона таким основанием также признано публичное исполнение правомерно обнародованных произведений путем их представления в живом исполнении, осуществляемое без цели извлечения прибыли в образовательных организациях, медицинских организациях, учреждениях социального обслуживания и учреждениях уголовно-исполнительной системы работниками (сотрудниками) данных организаций и учреждений и лицами, соответственно, обслуживаемыми данными организациями и учреждениями или содержащимися в данных учреждениях.

По мнению Конституционного Суда РФ, подобный подход отражает социальный характер гражданско-правового института свободного использования произведений, развитие которого свидетельствует о стремлении законодателя уравновесить интересы авторов (и иных правообладателей) с интересами пользователей в соответствии с требованиями Конституции РФ о необходимости обеспечения, в том числе возможностей формирования, гармонично развитой личности.

При этом в ч. 7 ст. 7 Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ закреплено, что п/п. 6 п. 1 ст. 1274 ГК РФ в новой редакции действует во времени в общем порядке, как он определен п. 1 ст. 4 данного Кодекса.

Вводя в правовое регулирование в соответствии с общим порядком действия закона во времени норму, предусматривающую расширенный по сравнению с прежним регулированием перечень случаев свободного использования произведений для определенных категорий пользователей, и уменьшая тем самым объем исключительных прав авторов, федеральный законодатель, по заключению Конституционного Суда РФ, исходил

из отсутствия необходимости придания обратной силы вводимым мерам. Данный вывод вытекает из того обстоятельства, что автор (или иной правообладатель) вправе рассчитывать на то, что его правомерные ожидания, основанные на действовавшем на момент возникновения соответствующих правоотношений правовом регулировании, обусловленные результатом его интеллектуальной деятельности, его творческого труда и приобретенным исключительным правом на данный результат, будут учтены в процессе преобразования соответствующего правового регулирования.

Как отметил Конституционный Суд РФ, содержащие правила действия закона во времени положения ч. 7 ст. 7 Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ и п. 1 ст. 4 ГК РФ, принятые федеральным законодателем в рамках его дискреции, будучи направленными на обеспечение разумной стабильности законодательного регулирования, обеспечение действия общеправового принципа справедливости, достижение баланса между правами и обязанностями всех участников гражданских правоотношений, возникающих в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы, искусства, не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права лиц, осуществивших до введения в действие нового правового регулирования публичное исполнение в образовательных организациях правомерно обнародованных произведений путем их представления в живом исполнении без согласия автора.

Исходя из изложенного выше, Конституционный Суд РФ пришел к следующему закономерному выводу: «Таким образом, неопределенность в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации положений части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 ГК Российской Федерации отсутствует».

Поэтому запрос Суда по интеллектуальным правам был признан не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда РФ, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесения итогового решения в виде постановления.

После вынесения упомянутого выше определения Конституционного Суда РФ производство по кассационной жалобе в рамках Суда по интеллектуальным правам 30 июля 2015 г. было возобновлено.

В Постановлении от 10 августа 2015 г. по делу № А76-13283/2012 Суд по интеллектуальным правам также подтвердил, что выводы судов первой

и апелляционной инстанций являются обоснованными и законными, поскольку публичное исполнение мюзикла в целях приобретения учащимися навыков общения со слушателями, выступления в спектаклях на большой сцене консерватории для постижения навыков актерского мастерства не может рассматриваться как допустимый случай свободного использования, предусмотренный в п/п. 2 п. 1 ст. 1274 ГК РФ, а является незаконным использованием произведения без согласия правообладателя.

Основываясь на выводах, закрепленных в определении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2015 г. № 1539-О, Суд по интеллектуальным правам отметил, что содержащие правила действия закона во времени положения ч. 7 ст. 7 Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ и п. 1 ст. 4 ГК РФ, принятые федеральным законодателем в рамках его дискреции, будучи направленными на обеспечение разумной стабильности законодательного регулирования, обеспечение действия общеправового принципа справедливости, достижение баланса между правами и обязанностями всех участников гражданских правоотношений, возникающих в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы, искусства, не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права лиц, осуществивших до введения в действие нового правового регулирования публичное исполнение в образовательных организациях правомерно обнародованных произведений путем их представления в живом исполнении без согласия автора.

Кроме того, в данном постановлении отмечено, что указание заявителя кассационной жалобы на неприменение судами нижестоящих инстанций положений п. 9 ст. 2, п/п. 4 и 5 ст. 4, п. 3 ст. 5 и п. 6 ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» при истолковании п/п. 2 п. 1 ст. 1274 ГК РФ не принимается, поскольку предметом регулирования данного Федерального закона являются общественные отношения, возникающие в сфере образования в связи с реализацией права на образование, обеспечение государственных гарантий прав и свобод человека в сфере образования и создание условий для реализации права на образование. В настоящем же деле судами исследовались отношения, возникшие в результате гражданско-правового деликта — незаконного использования произведения ответчиком без согласия правообладателей, которые регулируются нормами ч. 4 ГК РФ, и к ним не применяется законодательство об образовании.

Наконец, попытка Магнитогорской государственной консерватории обжаловать упомянутые

выше судебные акты в Верховном Суде РФ не увенчались успехом. Определением Верховного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 309-ЭС15-15513 Магнитогорской государственной консерватории было отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

В заключение необходимо отметить, что выводы Конституционного Суда РФ в его определении от 2 июля 2015 г. № 1539-О относительно обратной силы закона применимы, на мой взгляд, не только в отношении мюзиклов, но и других объектов авторских и смежных прав.

Сроки рассмотрения патентных споров

10 марта 2016 г. Конституционный Суд РФ принял определение № 448-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности пункта 2 статьи 1248, пункта 2 статьи 1398 и пункта 2 статьи 1406 Гражданского кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями Правил подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам»³ (далее — Определение), в котором установлен пробел в регулировании сроков рассмотрения споров, связанных с защитой интеллектуальных прав (далее — патентных споров), в Палате по патентным спорам Роспатента.

В своем запросе Суд по интеллектуальным правам оспаривал конституционность следующих положений ГК РФ:

1) п. 2 ст. 1248 («Споры, связанные с защитой интеллектуальных прав»), согласно которому в случаях, предусмотренных данным Кодексом, защита интеллектуальных прав в отношениях, связанных с подачей и рассмотрением заявок на выдачу патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров, с государственной регистрацией этих результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, с выдачей соответствующих правоустанавливающих документов, с оспариванием предоставления этим результатам и средствам правовой охраны или с ее прекращением, осуществляется в административном порядке, в частности федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности (т.е. Роспатентом);

2) п. 2 ст. 1398 («Признание недействительным патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец»), согласно которому патент на изобретение, полезную модель или

промышленный образец в течение срока его действия, установленного п/п. 1—3 ст. 1363 данного Кодекса, может быть оспорен путем подачи возражения в Роспатент любым лицом, которому стало известно о нарушениях, предусмотренных п/п. 1—4 п. 1 его ст. 1398;

3) п. 2 ст. 1406 («Споры, связанные с защитой патентных прав»), согласно которому в случаях, указанных в ст. 1387, 1390, 1391, 1398, 1401 и 1404 данного Кодекса, защита патентных прав осуществляется в административном порядке в соответствии с п/п. 2 и 3 его ст. 1248.

Помимо вышеизложенного оспаривалась конституционность (действующих во взаимосвязи с оспариваемыми законоположениями) Правил подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам, утвержденных приказом Роспатента от 22 апреля 2003 г. № 56 (далее — Правила).

Стоит констатировать роль заявителя указанного запроса в Конституционный Суд РФ — Суда по интеллектуальным правам, поскольку Суд в этой истории сыграл, по сути, роль посредника между хозяйствующими субъектами, дело которых находилось в его производстве, и Конституционным Судом РФ. Речь в данном случае не шла о неконституционности упомянутых законоположений касательно обязательного внесудебного (административного) порядка рассмотрения патентных споров перед их оспариванием в судах. Ведь Суд по интеллектуальным правам в настоящее время объективно не в состоянии, учитывая его состав, в котором практически отсутствуют судьи с техническим и естественнонаучным образованием, самостоятельно разрешать патентные споры без их предварительного рассмотрения Палатой по патентным спорам Роспатента.

Действительным основанием для подачи запроса стало ходатайство истца ООО «Сигнум» от 14 мая 2015 г. в деле, находившемся в производстве Суда по интеллектуальным правам, о признании незаконным бездействия Роспатента, выразившегося в отсутствии своевременных действий по рассмотрению по существу в разумный срок его возражений против выдачи АО «Режевской кабельный завод» патента на полезную модель № 95169 «Термоэлектродный провод».

Далее события развивались следующим образом. Приостанавливая производство по делу в связи с удовлетворением ходатайства ООО «Сигнум» об обращении в Конституционный Суд РФ с запросом, Суд по интеллектуальным правам в определении от 28 августа 2015 г. указал, в частности, что АО «Режевской кабельный завод» направило в прокуратуру Верх-Исетского района г. Екатеринбурга заявление о нарушении ООО «Сигнум»

³ URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>

его исключительных прав как владельца спорного патента, а ООО «Сигнум», полагавшее, что патент был выдан незаконно и с нарушением условия патентоспособности «новизна», направило, в свою очередь, в Роспатент соответствующее возражение.

В ответ письмом от 22 апреля 2015 г. Роспатент уведомил ООО «Сигнум» о принятии данного возражения к рассмотрению, которое было назначено на 17 марта 2016 г., т.е. без малого через год.

Конституционный Суд РФ следующим образом оценил позицию Суда по интеллектуальным правам в отношении допустимости ходатайства о запросе ООО «Сигнум»: «Суд по интеллектуальным правам согласился с доводами ООО «Сигнум» о невозможности своевременно защитить свой законный интерес, заключающийся в использовании ранее известного и непатентоспособного, с его точки зрения, технического решения, поскольку оспаривание действительности патента по указанному основанию допускается только во внесудебном (административном) порядке, а отсутствие в законе сроков рассмотрения таких споров наделяет государственный орган ничем, по существу, не ограниченным полномочием определять эти сроки по собственному усмотрению. Тем самым, считает заявитель, ставятся под сомнение гарантии последующего судебного контроля за законностью и обоснованностью решения государственного органа: чрезмерная отдаленность во времени такого контроля приводит к ущемлению гарантий судебной защиты вопреки возложенной на Суд по интеллектуальным правам задаче по обеспечению доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (пункт 2 статьи 2 «Задачи судопроизводства в арбитражных судах» АПК Российской Федерации)».

Конституционный Суд РФ констатировал, что, по мнению заявителя (т.е. Суда по интеллектуальным правам), оспариваемые законоположения и Правила противоречат ст. 19 (ч. 1 и 2), 34 (ч. 1), 45 (ч. 1) и 46 (ч. 1) Конституции РФ в той мере, в какой они не содержат указаний на сроки рассмотрения в обязательном порядке досудебных споров о признании патентов недействительными.

Однако Конституционный Суд РФ не поддержал позицию Суда по интеллектуальным правам в части его утверждения о неконституционности упомянутых выше положений ГК РФ. В этой связи Конституционный Суд РФ указал, что «действующее правовое регулирование обеспечивает и сохранение гарантий судебной защиты интеллектуальных прав: как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, гарантированное Конституцией Российской Федерации в ее статье 46 (часть 2) право на обжалование в суд решений и действий (или бездействия)

органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц не может быть ограничено, даже в условиях чрезвычайного положения; досудебный порядок разрешения споров не только не исключает, а, напротив, предусматривает возможность для лица обратиться в суд с жалобой на решение соответствующего административного органа (Постановление от 20 мая 1997 года № 8-П; определения от 2 октября 2003 года № 393-О, от 29 мая 2014 года № 1252-О, от 24 марта 2015 года № 663-О и др.). При этом спор, требующий исследования и сугубо правовой оценки доказательств по вопросам авторства и владения патентом, разрешается непосредственно в судебном порядке».

Поэтому, по мнению Конституционного Суда РФ, административный (досудебный) порядок защиты интеллектуальных прав (в силу конституционной презумпции добросовестности законодателя) предполагает использование наиболее эффективных инструментов защиты прав граждан и их объединений. Этот порядок как таковой не может считаться нарушающим права граждан.

Что же касается вопроса о неконституционности Правил, поднятого Судом по интеллектуальным правам в своем запросе, то Конституционный Суд РФ со ссылкой на свои ранее принятые определения подчеркнул, что проверка ведомственных нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти к компетенции Конституционного Суда РФ, установленной ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится, поэтому они не могут являться непосредственным предметом его рассмотрения и в этой части данный запрос не является допустимым.

В связи с вышеизложенным Конституционный Суд РФ признал, что он ранее неоднократно указывал на конституционное значение выявляемых в правовом регулировании пробелов как снижающих уровень гарантий судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, а также на то, что правовая неопределенность, возникающая вследствие такого пробела, могла бы быть не столь ощутимой, если бы законодательные положения были своевременно конкретизированы в соответствующем подзаконном акте.

При этом закрепленные в ч. 1 ст. 45 Конституции РФ гарантии государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации во взаимосвязи с предусмотренным ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод правом на эффективное средство правовой защиты свидетельствуют о позитивной конституционной обязанности государства осуществить

нормативное регулирование разумной продолжительности рассмотрения спора в административном порядке, необходимое для эффективной защиты прав одних частных лиц от их нарушения другими частными лицами.

Для этих целей федеральный законодатель предусмотрел в действующем правовом регулировании дифференцированную систему правовой защиты интеллектуальных прав, учитывающую особенности объектов прав, интеллектуальной деятельности и правовую природу соответствующих споров. Так, п. 3 ст. 1248 ГК РФ прямо предусматривает, что правила рассмотрения и разрешения споров в административном (досудебном) порядке федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативно-правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности (в настоящее время — Минэкономразвития России).

Правовая позиция Конституционного Суда РФ относительно запроса Суда по интеллектуальным правам заключается в следующем: «чрезмерные или неопределенные сроки разрешения споров приводят к нестабильности правовых отношений, создавая неопределенность как в спорных материальных правоотношениях, так и в возникших в этой связи процессуальных правоотношениях (Постановление от 5 февраля 2007 г. № 2-П и др.). Отсутствие нормативно установленных сроков рассмотрения споров во внесудебном (административном) порядке может повлечь за собой наделение государственного органа ничем, по сути, не ограниченными полномочиями определять, когда будет рассмотрен тот или иной спор, что также недопустимо в силу статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, которая в системной связи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предполагает, что в случае возникновения спора должно быть гарантировано право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок».

По заключению Конституционного Суда РФ для того, чтобы закрепленное п. 3 ст. 1248 ГК РФ делегирование полномочий указанному в нем федеральному органу исполнительной власти по установлению правил рассмотрения и разрешения споров в административном порядке не породило рисков правовой неопределенности, необходимо выполнение этим органом своих законных полномочий надлежащим образом. Однако соответствующим федеральным органом исполнительной власти в течение длительного времени, прошедшего после вступления в силу ч. 4 ГК РФ, не производилась достаточно полно актуализация подзаконного

нормативного правового регулирования порядка разрешения споров, связанных с защитой интеллектуальных прав. При этом Правила, несмотря на изменения, вносившиеся в них после 1 января 2008 г. (дата вступления в силу ч. 4 ГК РФ), указанных в отношении сроков рассмотрения споров не содержит. Как известно, в результате принятия приказа Минэкономразвития России от 29 ноября 2013 г. № 720 внесены отдельные поправки в условия подачи возражений и заявлений и требования к ним.

На фоне позиции Минэкономразвития России и Роспатента Конституционный Суд РФ в качестве примера своевременного правового регулирования приводит опыт Минсельхоза России, чьи Правила рассмотрения и разрешения споров по защите нарушенных интеллектуальных прав на селекционные достижения, утвержденные приказом от 31 октября 2007 г. № 559, предусматривают сроки рассмотрения данных споров (в частности, шесть месяцев со дня подачи соответствующего заявления при отсутствии необходимости в проведении дополнительных испытаний).

По мнению Конституционного Суда РФ, такая ситуация чревата необоснованным отступлением от принципа правового равенства между субъектами экономической деятельности, вытекающего из взаимосвязанных положений ст. 19 (ч. 1), 34 (ч. 1) и 44 (ч. 1) Конституции РФ.

В заключение Конституционный Суд РФ сформулировал вывод о том, что «обязанность по устранению возникшей неопределенности лежит не на федеральном законодателе, а на органах исполнительной власти, которые должны своевременно обеспечить необходимое нормативное правовое регулирование с учетом надлежащего баланса между конституционными гарантиями права каждого получить судебную защиту его нарушенного права в разумные сроки и без необоснованных препятствий, с одной стороны, и реально имеющимися у государственного органа административными ресурсами по досудебному рассмотрению соответствующих обращений с учетом его загруженности и иных объективных обстоятельств, с другой стороны, равно как и исполнение нормативных предписаний, с тем чтобы не породить необоснованные ограничения чьих-либо конституционных прав и свобод. При этом судебный контроль за законностью таких нормативных правовых актов и действий (бездействия) органов исполнительной власти в сфере предпринимательской деятельности осуществляется соответствующими судами в пределах и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Представляется также целесообразным осветить проблему отсутствия новых подзаконных актов

с установленными сроками рассмотрения патентных споров, ответственность за принятие которых несут Минэкономразвития РФ и Роспатент. 3 августа 2012 г. на официальном сайте Минэкономразвития РФ был размещен проект административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по рассмотрению и разрешению в административном порядке споров, возникающих в связи с защитой интеллектуальных прав в отношениях, связанных с подачей и рассмотрением заявок на выдачу патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров, с государственной регистрацией этих результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, с выдачей соответствующих правоустанавливающих документов, с оспариванием предоставления этим результатам и средств правовой охраны или с ее прекращением (далее — проект административного регламента)⁴.

В соответствии с п. 2.4.1 указанного проекта административного регламента предполагается установить продолжительность делопроизводства по рассмотрению возражений и заявлений и принятию по ним решений Роспатента не более семи месяцев со дня поступления возражений или заявлений без учета случаев переноса даты заседания Коллегии палаты по патентным спорам или даты заседания Экспертной комиссии. В случае переноса даты заседания Коллегии, Экспертной комиссии дата последующего заседания назначается на срок, не превышающий два месяца со дня такого переноса. При неоднократном переносе даты заседания Коллегии, Экспертной комиссии общий срок предоставления государственной услуги составляет не более одного года со дня поступления возражения или заявления.

Таким образом, допустимый срок рассмотрения патентных споров (семь месяцев с возможностью его продления до одного года) превышает шестимесячный срок рассмотрения споров в рамках Минсельхоза России.

Показательно на этот счет звучит окончательный вывод Конституционного Суда РФ относительно проекта административного регламента Минэкономразвития России: «Данный административный регламент до настоящего времени не утвержден, нормативное правовое регулирование сроков исполнения государственной функции по рассмотрению споров о признании патентов недействительными отсутствует. При разрешении конкретных дел, связанных с оспариванием действий Роспатента по рассмотрению возражений по патентам, суды уже обращали внимание на

неполноту правового регулирования и, соответственно, на неудовлетворительное исполнение Роспатентом возложенных на него функций (решение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 мая 2013 года № ВАС-3198/13), указывая на недопустимость длительной и необоснованной задержки в утверждении нового административного регламента по исполнению Роспатентом соответствующей государственной функции».

Государственно-правовая включенность Минэкономразвития России Роспатента в формате выполняемости определения Конституционного Суда РФ обозначена в параметрах деятельности. Отмена обязательного досудебного (административного) порядка рассмотрения патентных споров пойдет в позитив юридическое действия как заявителям, так и Роспатенту.

Компенсация за нарушение исключительных прав

Прежде всего следует отметить, что ст. 1301 («Ответственность за нарушение исключительного права на произведение») и 1311 («Ответственность за нарушение исключительного права на смежный объект»), измененные Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ, а также ст. 1515 («Ответственность за незаконное использование товарного знака») позволяют правообладателям вместо возмещения убытков требовать по своему выбору от правонарушителей выплаты компенсации в размере от 10 тыс. руб. до 5 млн руб., определяемом по усмотрению суда, исходя из характера нарушения.

В основе норм лежат общие положения гл. 69 ч. 4 ГК РФ (в частности, ст. 1250 и 1252), также измененные Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ. Так, в соответствии с п. 3 ст. 1252 ГК РФ в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, при нарушении исключительного права правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права. Компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения. При этом правообладатель, обратившийся за защитой права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков.

Кроме того, согласно п. 3 ст. 1250 ГК РФ, предусмотренные п. 3 ст. 1252 Кодекса меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав, допущенное нарушителем при осуществлении им предпринимательской деятельности, подлежат применению независимо от вины нарушителя, если такое лицо не докажет, что нарушение интеллектуальных прав произошло вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

⁴ См.: URL: http://www/economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc_20120803_019

Как следует из материалов дела, в производстве Арбитражного суда Алтайского края находились два иска, по которым правообладатели (ООО «Квадро-Паблишинг» и ЗАО «Аэроплан») требовали взыскать с индивидуальных предпринимателей значительные суммы компенсаций за нарушение исключительного права на произведение и объект смежных прав, а также за незаконное использование товарного знака. Так, ООО «Квадро-Паблишинг» требовало с индивидуального предпринимателя за продажу контрафактного диска с песнями С. Михайлова 859 тыс. руб. при цене за один диск в 75 руб., а ЗАО «Аэроплан» пыталось взыскать с девяти индивидуальных предпринимателей компенсации (в размере от 49 тыс. 980 руб. до 60 тыс. руб. с каждого) за незаконное использование товарных знаков, воспроизводящих персонажей и символы мультсериала «Фиксики», которым были маркированы DVD-диск, наборы игрушек и рюкзаки.

Придя к выводу о наличии неопределенности в вопросе о том, соответствуют ли Конституции РФ подлежащие применению в указанных делах положения п/п. 1 ст. 1301, п/п. 1 ст. 1311 и п/п. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, Арбитражный суд Алтайского края обратился в Конституционный Суд РФ с запросами о проверке их конституционности, а производство по соответствующим делам приостановил. При этом заявитель выразил мнение о том, что законоположения как предоставляющие правообладателю возможность в случае нарушения его исключительных прав на произведение и на объекты смежных прав, а также в случае незаконного использования товарного знака требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере не менее 10 тыс. руб., противоречат ст. 2, 7, 8 (ч. 1), 18, 21 (ч. 1), 34 (ч. 1), 39 (ч. 1), 46 (ч. 1) и 55 (ч. 2) Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности п/п. 1 статьи 1301, п/п. 1 статьи 1311 и п/п. 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵ (далее — Постановление № 28-П) в принципе одобрил подход заявителя по предмету, поэтому юридически значимы тезисы, приводимые Судом в поддержку своих правовых позиций относительно компенсации за нарушение исключительных прав.

Конституционный Суд РФ особо отметил, что в силу значительной специфики объектов интеллектуальной собственности, обусловленной их нематериальной природой, правообладатели ограничены как в возможности контролировать

соблюдение принадлежащих им исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации третьими лицами и выявлять допущенные нарушения, так и в возможности установить точную или по крайней мере приблизительную величину понесенных ими убытков (особенно в виде упущенной выгоды), в том числе если правонарушение совершено в сфере предпринимательской деятельности.

С учетом специфики, предопределяющей необходимость установления специальных способов защиты нарушенных исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, Гражданский кодекс РФ предоставляет правообладателю право в случаях, предусмотренных Кодексом для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, требовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации и освобождает его от доказывания в суде размера причиненных убытков.

Тем самым приведенное правовое регулирование, по заключению Конституционного Суда РФ, позволяет взыскивать в пользу лица, чье исключительное право на объект интеллектуальной собственности было нарушено, компенсацию в размере, который может и превышать размер фактически причиненных ему убытков. Допущение законом такой возможности — тем более принимаемая во внимание затруднительность определения размера убытков в каждом конкретном случае правонарушения — нельзя признать мерой, несовместимой с основными началами гражданского законодательства, не исключающего, в частности, при определении ответственности за нарушение обязательство взыскание с должника убытков в полной сумме сверх неустойки (п. 1 ст. 394 ГК РФ) и предусматривающего в качестве одного из способов защиты нарушенных гражданских прав помимо возмещения убытков возможность установления законом или договором обязанности причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда (п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

Вводя штрафную по своей природе ответственность за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, федеральный законодатель, по мнению Конституционного Суда РФ, не только учитывал объективные трудности в оценке причиненных правообладателю убытков, но и руководствовался необходимостью — в контексте правовой политики государства по охране интеллектуальной собственности — общей превенции соответствующих правонарушений. Наряду с мерами публично-правовой ответственности, предусмотренными уголовным законодательством и законодательством об

⁵ См.: URL: <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision255022.pdf>

административных правонарушениях, предоставление частным лицам-правообладателям возможности требовать взыскания с правонарушителей компенсации за незаконное использование исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, размер которой может превышать размер понесенных ими убытков, имеет целью реализацию предписаний ст. 44 (ч. 1) Конституции РФ и выполнение Российской Федерацией принятых на себя международных обязательств. Конституционный Суд РФ признал тот факт, что компенсация является штрафной мерой ответственности (размер которой может превышать размер убытков), которая помимо прочего преследует цель общей превенции правонарушений.

Поэтому Конституционный Суд РФ сделал вывод о том, что положения п/п. 1 ст. 1301, п/п. 1 ст. 1311 и п/п. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, как предусматривающие в качестве специального способа защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности предоставление правообладателю возможности в соответствии с п. 3 ст. 1252 Кодекса требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации в случае нарушения прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации в результате совершения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одного противоправного действия, не противоречат Конституции РФ. Вместе с тем Конституционный Суд РФ признал, что в отдельных случаях нормы о компенсации могут затруднять дифференциацию ответственности в данной области.

Поскольку, как указал Конституционный Суд РФ со ссылкой на абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, общий размер компенсации при этом все равно не должен составлять менее 50% суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения, не исключаются ситуации, при которых определяемая на основании указанных норм ГК РФ мера ответственности за однократное нарушение исключительных прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации — даже принимая во внимание его характер и последствия, а также другие обстоятельства дела — может оказаться чрезмерной, не отвечающей требованиям разумности и справедливости. Причем, если применение подобной санкции к нарушителю — юридическому лицу обычно не приводит к непропорциональному вторжению в имущественную сферу его участников — физических лиц, то в отношении индивидуального предпринимателя оно не исключает возложения на нарушителя столь серьезных имущественных обязательств, что их исполнение, в свою очередь, может не только поставить под сомнение продолжение им предпринимательской деятельности, но и крайне негативно отразиться на его жизненной ситуации.

Между тем, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, вводимые федеральным законодателем ограничения должны обеспечивать достижение конституционно значимых целей и не быть чрезмерными.

Важно отметить, что Конституционный Суд РФ учел то обстоятельство, что при рассмотрении дела о защите интеллектуальных прав на стороне истца может выступать экономически более сильное, нежели ответчик, лицо, в то время как у суда при наличии определенных обстоятельств отсутствуют полномочия снижать размер компенсации за однократное неправомерное использование нескольких результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации ниже установленных законом пределов, что может привести — вопреки конституционным требованиям справедливости и равенства — к явной несообразности налагаемой на ответчика имущественной санкции ущерба, причиненному правообладателю, и тем самым — к нарушению баланса их прав и законных интересов.

Исходя из изложенного, Конституционный Суд РФ сделал вывод, что отступление от требований справедливости, равенства и соразмерности при взыскании с индивидуального предпринимателя компенсации за нарушение одним действием прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации может иметь место, если размер подлежащей выплате компенсации, даже с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков.

В резолютивной части Постановления № 28-П сформулированы следующие правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно компенсации за нарушение исключительных прав на отдельные объекты интеллектуальной собственности:

«1. Признать положения п/п. 1 статьи 1301, п/п. 1 статьи 1311 и п/п. 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, как предусматривающие в качестве специального способа защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности предоставление правообладателю возможности в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации в случае нарушения прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации в результате совершения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одного противоправного действия, не противоречащими Конституции Российской Федерации.

2. Признать положения п/п. 1 статьи 1301, п/п. 1 статьи 1311 и п/п. 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации не соответствующими Конституции

Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1) и 55 (часть 3) в той мере, в какой в системной связи с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса и другими его положениями они не позволяют суду при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, определить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями, если размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (при этом что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубого характера.

3. Федеральному законодателю надлежит, исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, внести в гражданское законодательство необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Впредь до внесения в гражданское законодательство надлежащих изменений суды при рассмотрении исковых требований, заявленных в порядке подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 или подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, применяют данные законоположения, руководствуясь настоящим Постановлением».

Правовые позиции Конституционного Суда РФ относятся только к индивидуальным предпринимателям (юридические лица в них не упоминаются), которые при осуществлении ими предпринимательской деятельности одним действием нарушают исключительные права на несколько объектов интеллектуальной собственности, в результате чего размер истребуемой компенсации многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков при условии, что такое превышение должно быть доказано ответчиком (индивидуальным предпринимателем). Для целей снижения размера компенсации ниже минимального предела установлен примерный перечень обстоятельств, свидетельствующих о необходимости такого

ослабления для индивидуальных предпринимателей: правонарушение совершено ими впервые; использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые были нарушены, не являлось существенной частью их предпринимательской деятельности; правонарушение не носило грубого характера.

Следует особое внимание обратить на абз. 2 п. 3 резолютивной части Постановления № 28-П: впредь до внесения в гражданское законодательство надлежащих изменений суды при рассмотрении исковых требований, заявленных в порядке п/п. 1 ст. 1301, п/п. 1 ст. 1311 или п/п. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, применяют данные законоположения, руководствуясь настоящим Постановлением.

Предоставление судам возможности снижать размер компенсации ниже минимального предела является прерогативой федерального законодателя и возможно только путем внесения соответствующих изменений в абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК РФ.

В заключение следует признать, что правовая позиция Конституционного Суда РФ, наделяющая суды полномочиями до момента внесения в гражданское законодательство соответствующих изменений, не имеет универсального характера, поскольку связана с предметом запроса и не охватывает других результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Так, за рамками правовой позиции Конституционного Суда РФ остаются изобретения, полезные модели и промышленные образцы (п/п. 1 ст. 1406.1 ГК РФ) и наименования мест происхождения товаров (п/п. 1 п. 2 ст. 1537 ГК РФ), ответственность за незаконное использование которых в виде компенсации идентична компенсации за нарушение авторских и смежных прав, а также прав на товарные знаки.

Следовательно, на протяжении определенного периода времени различные результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации могут оказаться под различными правовыми режимами, что представляется неприемлемым, особенно в сфере ответственности за нарушение исключительных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Еременко В.И.* Изменения в сфере авторского права и смежных прав в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2014. № 7. С. 7–23.

REFERENCES

1. *Eremenko V.I.* Izmeneniya v sfere avtorskogo prava i smezhnyh prav v Rossijskoj Federacii // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2014. № 7. S. 7–23.

**ABOUT ACTIVITY OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD
OF INTELLECTUAL PROPERTY**

© 2019 V. I. Eremenko

Moscow

E-mail: 6169144@mail.ru

Received 5.02.2018

This article is devoted to the analysis of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of intellectual property relating to the inverse force of the law in the area of copyright, the timing of the consideration of patent disputes and compensation for infringement of exclusive rights.

Key words: Constitutional Court, intellectual property, inverse force of the law, copyright, patent disputes, timing of the consideration, infringement of exclusive rights.

Сведения об авторе

ЕРЕМЕНКО Владимир Иванович — доктор юридических наук, Москва

Authors' information

EREMENKO Vladimir I. — Doctor of Law, Moscow